

23

На правах рукописи

Борисов Николай Александрович

2007

**ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2007

Диссертация выполнена на кафедре общей политологии и специальных политических дисциплин факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета.

Научный руководитель –

Dr. Phil.,
кандидат философских наук, доцент
Михалёва Галина Михайловна

Официальные оппоненты –

доктор политических наук, профессор
Бусыгина Ирина Марковна

кандидат исторических наук, доцент
Гордеева Мария Александровна

Ведущая организация –

Российский университет дружбы народов

Защита состоится « 16 » марта 2007 года в 14 часов на заседании диссертационного совета К.212.198.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата политических и юридических наук при Российском государственном гуманитарном университете по адресу: 109012, Москва, ул. Никольская, д. 9, ауд. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета (125993, Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6).

Автореферат разослан « 13 » февраля 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Н.В. Шатина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Последняя волна трансформаций политических систем изменила представление о возможных направлениях политической трансформации и показала необходимость тщательного анализа становления политических систем отдельных стран, а также выделения общего и особенного. Очевидно, что без ответов на вопросы о факторах и причинах формирования определенных типов политических систем и политических режимов в государствах бывшего СССР трудно понять особенности современных политических процессов на постсоветском пространстве и дать относительно достоверный прогноз о путях дальнейшего развития указанных государств.

Политические процессы, развивавшиеся после распада СССР в новых независимых государствах, поставили перед исследователями ряд проблем. Прежде всего, потребовалось понять и объяснить причины следующих явлений:

- почему постсоветские трансформации так отличаются от восточноевропейских, с одной стороны, и так различаются между собой, несмотря на их длительное пребывание в составе СССР, с другой;
- почему, несмотря на все различия, ни одна из стран СНГ не пришла через десять лет после крушения прежнего режима к консолидированной демократии;
- почему политические системы государств СНГ становятся все более отличными друг от друга;
- почему само постсоветское пространство «распадается» на ряд менее масштабных политических, военных, экономических союзов и образований.

Недавние события в некоторых постсоветских государствах, в ходе которых произошла насильственная смена политических элит, также ставят перед исследователями ряд серьезных вопросов о причинах этих процессов, о соотношении внутренних и внешних факторов трансформации и о возможности перехода к новому политическому режиму в результате смены элит.

Проблема настоящего исследования заключается в поисках ответов на вопрос о том, почему при внешней схожести исторических судеб и политического наследия в Узбекистане и Кыргызской Республике сформировались разные политические системы и политические режимы. В научной литературе эти вопросы до настоящего времени не анализировались, что обуславливает актуальность данного исследования. Случай постсоветских центральноазиатских государств представляет интерес и по причине преемственности ряда политических практик и институтов даже в условиях смены политических режимов и форм правления, а также в силу возрастающей роли данного региона в мировой политике. События последних десяти лет показали, что он рассматривается ключевыми международными акторами (США, Россией, Китаем) в качестве исключительно значимого, что обуславливает конкуренцию мировых держав за влияние в этом макрорегионе. Учитывая, что стабильность политических систем в государствах Центральной Азии является чрезвычайно важным фактором международных отношений, возникает необходимость тщательного анализа внутриполитического процесса в государствах данного региона с целью выявить источники нестабильности и прогнозировать их дальнейшее политическое развитие.

Исследовательский интерес к Узбекистану объясняется прежде всего тем, что это государство является крупнейшим и наиболее значимым по социально-экономическому потенциалу в центральноазиатском макрорегионе, а также традиционно претендующим на роль регионального политического, экономического и духовного лидера. Случай Кыргызстана интересен не только недавними «революционными» событиями в стране, но и логикой превращения центральноазиатского «островка демократии» в государство с авторитарным режимом, отличающимся, тем не менее, от соседних автократий и в итоге показавшим свою неустойчивость.

Степень изученности проблемы. Тема трансформации политических систем постсоветских государств (в том числе центральноазиатских) является для российской политической науки малоизученной.

Среди значимых российских работ по проблемам трансформации политического режима в Узбекистане необходимо назвать исследования В. Игрунова, Е. Кожокина, Ю. Кульчика, Л. Левитина. Их объединяет скорее описательный характер и нерешенность проблемы факторов и этапов формирования в республике политического режима определенного типа. В ряде случаев проявляется тенденциозность в подборе и систематизации материала, не учитываются и не анализируются альтернативные точки зрения.

Исследования ученых Узбекистана (проживающих как в республике, так и за ее пределами) часто затрагивают либо формально-юридический аспект функционирования органов государственной власти и местного самоуправления, либо выполнены с целью оправдать существующий режим и подчеркнуть его положительные черты по сравнению с советским режимом. Среди работ, опубликованных за пределами республики, можно выделить книги С. Бекжана и Б. Файзи. В них подробно анализируются основные события политической жизни Узбекистана в 1990-е гг. с точки зрения оппозиционных акторов, главным образом механизмы подавления их активности правящей элитой.

Российская историография трансформации в Кыргызстане представлена в основном работами А. Кынева и С. Лузянина; среди работ кыргызских ученых выделяются труды К. Исаева, Г. Искаковой, А. Князева, Н. Омарова, З. Сыдыковой, А. Элебаевой и др. Ряд исследователей рассматривает политический процесс в Кыргызской Республике под углом зрения событий государственного переворота марта 2005 г., показывая его неизбежность и выявляя его факторы. Н. Омаров приходит к важному выводу о том, что контрпарадигмами эволюции политической системы Кыргызстана являлись политическая модернизация и традиционное общество, а традиционализм препятствовал укоренению демократических институтов и в итоге обусловил их фактическую недееспособность.

Наиболее известными исследователями проблем Центральной Азии в зарубежной политологии являются Ш. Акинер, Г. Глисон, Р. Дейблер, Д. Карлайл, Дж. Маклидер, М.Б. Олкотт, О. Руа, В. Фирман, У. Хальбах,

Э. Хаски. В результате анализа содержания зарубежных работ можно прийти к выводам о наличии некоторых общих качеств, присущих им всем.

Во-первых, в них не до конца преодолен нормативно-онтологический подход, исходящий из предзаданности целей политической трансформации, при котором отклоняющиеся от «демократизации» случаи часто рассматриваются как «девиантные» и «неправильные». Во-вторых, чаще всего они носят экспертный характер, поскольку в большинстве случаев представляют собой аналитические доклады, подготовленные по заказу государственных органов, что накладывает отпечаток на специфику работ и выводы их авторов. В-третьих, множество доступных работ ограничивает рассмотрение политического процесса в центральноазиатских государствах серединой 1990-х гг., а новые работы посвящены событиям после 2001 г., что приводит к значительному хронологическому пробелу в исследованиях.

Анализ историографии проблемы показал, что, несмотря на ценность названных работ, особенностями большинства исследований является описательность и известная публицистичность даже научных по форме трудов. Кроме того, среди упомянутых работ нет «прямых» сравнительных исследований политического процесса в указанных государствах. Это позволяет сделать вывод о том, что тема данного исследования до настоящего времени в научной литературе раскрывалась лишь частично, а политические события и явления в указанных странах анализировались с применением иной методологии, в иных аспектах и в иных хронологических рамках по сравнению с настоящей работой.

Исследовательская гипотеза состоит в предположении о том, что трансформация политических систем Узбекистана и Кыргызстана привела к их ретрадиционализации (возрождению ряда традиционных институтов) и к формированию новых политических режимов, отличающихся от советских. Эти режимы можно характеризовать не как переходные, а как относительно устойчивые, основные характеристики которых могут оставаться неизменными даже под влиянием существенных системных изменений, включая так называемые «революции».

Объектом исследования являются политические системы Узбекистана и Кыргызстана, **предметом** – политические институты, акторы, стратегии, ресурсы на всех этапах трансформации политических систем.

Цель настоящей работы – проанализировать трансформацию политических систем Узбекистана и Кыргызстана и политических режимов как их функциональных характеристик в постсоветский период, учитывая комплекс взаимосвязанных факторов, в сравнительном аспекте.

В соответствии с поставленной целью были решены следующие исследовательские задачи.

1. Проанализированы характеристики прежних политических режимов (досоветских и советского) и основные структурные факторы трансформационного процесса.

2. Выявлены характеристики собственно трансформационных процессов при переходе от советского политического режима к новым типам политических режимов.

3. Исследованы основные черты сформировавшихся в результате трансформации режимов, что позволило ответить на вопросы о том, насколько и чем сформировавшиеся режимы отличаются от прежнего советского режима и о том, чем и по каким причинам сформировавшиеся режимы различаются между собой.

4. Выявлены и охарактеризованы факторы эволюции политических систем и политических режимов указанных государств на данном этапе.

Хронологические рамки настоящего исследования соответствуют поставленным цели и задачам, в связи с чем в качестве основного периода анализа избран период конца 1980-х – середины 2000-х гг. Однако для анализа досоветского и советского опыта политического развития республик представлен краткий обзор их политической традиции.

Теоретико-методологические основания исследования. Методология данного исследования представляет собой синтез положений макросоциологических (системных, структуралистских, культуралистских) и микросоциологических (теории акторов) подходов к трансформациям

политических систем, неоинституционального подхода в его историческом варианте и сравнительного метода.

Синтез указанных методологий обуславливается задачами исследования. Одни лишь системные теории и теории акторов сами по себе не могут полностью объяснить ни начало и развитие, ни результат смены системы. Теории модернизации, системные теории, структурализм и культурализм делают акцент на анализе структурных факторов трансформации, а транзитологические концепции – на изучении конкретных стратегий политических акторов. Однако нельзя заранее говорить о том, что является более важным в изучении конкретных случаев трансформации: структурные (объективные) или процедурные (субъективные) факторы. Можно предположить, что акторы действуют относительно свободно, но в рамках объективно заданных ограничений. Чтобы исследовать степень свободы акторов, необходимо привлекать теории, ставящие в центр анализа структурные факторы трансформации.

Основные макросоциологические теории трансформации рассматривают ее важнейшие структурные факторы: наличие опыта государственности, уровень социально-экономического развития, господствующая религия, ценности и установки населения. Особую ценность имеет концепция «обусловленного пути», которая ищет причины различий в исходах политических и социальных трансформаций в историческом прошлом и исходит из того, что именно предыдущее развитие страны или региона во многом обуславливает и его последующее развитие, задавая ему определенные рамки. Основное методологическое значение для исследования имеют работы Б. Мура, Ш. Эйзенштадта и особенно Д. Норта и Р. Патнэма¹.

Микросоциологические теории трансформации, или теории акторов, рассматривают действия акторов на микроуровне, понимая процесс трансформации как результат ситуативного определения политическими акторами предпочтений, стратегий и возможностей действий. Большое

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; Патнэм Р. Чтобы демократия сработала М., 2000

методологическое значение в данном случае имеют работы таких классиков транзитологии, как А. Пшеворский, Х. Линц и А. Степан, С. Хантингтон, Т. Карл, Г. О'Доннелл и Ф. Шмиттер.

Ограниченность каждой из двух названных групп подходов и внимание каждой из них лишь к одному комплексу факторов трансформации позволило сделать вывод о возможности создания синтетических теорий. В синтетическом соединении аналитический потенциал подходов не только сохраняется, но и обеспечивает более точное и комплексное представление о трансформации. В рамках синтетических подходов трансформация рассматривается как процесс, развивающийся под влиянием ряда групп факторов, которые можно систематизировать с помощью методологии «воронки причинности» А. Кэмпбелла¹, разработанной применительно к анализу политических трансформаций А. Мельвилем². Она предполагает последовательный анализ сначала структурных (государство- и нациеобразующих, социально-экономических, культурно-ценностных), а затем процедурных (политических и индивидуальных, или личностных, политико-психологических) факторов трансформации. Критерием перехода от одного уровня анализа к другому является исчерпание объяснительных возможностей данного уровня применительно к конкретному случаю трансформации.

Теорией, выступающей в синтетической методологии, применяемой в данном исследовании, в качестве «связующего звена» между макро- и микросоциологическими теориями, является неонинституционализм в его историческом варианте.

Сравнительный метод позволяет лучше понять особенности трансформации политических систем указанных государств и ответить на вопрос о дивергенции политических режимов. Применение этого метода предполагает введение переменных для анализа. В работе используются важнейшие параметры, предложенные В. Меркелем и А. Круассаном.

¹ Campbell A et al The American Voter N.Y., 1960

² Мельвиль А Ю Демократические транзиты Теоретико-методологические и прикладные аспекты М, 1999.

легитимация господства, доступ к господству, притязание на господство и структура господства, которые являются центральными характеристиками любых типов господства.

Среди основных методов настоящего исследования – экспертные опросы и интервью, контент-анализ выступлений политических деятелей, квазиэксперимент (моделирование возможных политических ситуаций).

Эмпирическую базу исследования составили документы официальных институтов Российской империи и СССР; документы и материалы основных политических институтов Узбекистана и Кыргызстана (Конституции, Указы Президентов, законы, нормативные акты, программы и издания политических партий); материалы центральной печати Узбекистана и Кыргызстана; мемуарная литература, сочинения и речи политических деятелей по проблемам современного политического развития; материалы международных общественно-политических организаций (отчеты Всемирного Банка, Доклады ООН, международных правозащитных организаций); тексты международных договоров и межправительственных соглашений; статистические материалы, содержащие количественные данные о результатах выборов и тенденциях социально-экономического развития.

Научная новизна исследования проявляется в следующем.

1. Впервые поставлена и решена научная проблема трансформации политических систем Узбекистана и Кыргызстана в сравнительном аспекте.

2. Выявлены и охарактеризованы типы (модели) перехода от прежних политических систем и режимов к новым и типы новых режимов, сформировавшихся в результате трансформации.

3. На основе анализа ряда групп факторов формирования определенных типов политических режимов доказана продуктивность применения поликаузального объяснения причин их дивергенции и дальнейшей эволюции.

4. В научный оборот вводится значительное число новых источников (законы, документы оппозиционных партий, сочинения президентов, статьи республиканских газет и др.), что позволило комплексно исследовать поставленную проблему, дополняя политологический анализ правовым,

сопоставить различные интерпретации политических событий и явлений, выявить основные ценностные установки доминирующих и оппозиционных акторов.

5. По сравнению со всеми предыдущими работами по данной проблеме значительно расширены хронологические рамки исследования. В работу включается обзор политической истории Узбекистана и Кыргызстана, анализируются также новейшие тенденции эволюции политических систем и режимов.

6. Политические системы и режимы, сформировавшиеся в результате трансформаций, рассмотрены как новые, а не как возрожденные модификации авторитаризма советского типа, что позволило подвергнуть сомнению продуктивность некритического применения ряда транзитологических концепций к исследованиям постсоветских политических трансформаций.

7. В исследовании показано, что трансформация имела результатом известную ретрадиционализацию политических систем, что показывает ограниченность некоторых классических транзитологических подходов.

8. В исследовании на основании анализа роли и значимости формальных институтов в процессе трансформации и консолидации режимов подчеркнута необходимость и плодотворность изучения формальных институтов в недемократических постсоветских политических системах.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Основным результатом трансформаций политических систем стало формирование в обеих республиках моноцентрических политических режимов с преобладанием доминирующего актора и неформальных институтов, различающихся по ряду существенных характеристик

2. Структурные факторы, выявленные в исследовании, задавали контекст трансформации политических систем в конце 1980-х гг. и ограничивали произвольные действия политических акторов. Отсутствие значимых структурных расколов, наличие опыта деспотической государственности, доминирование сельскохозяйственной элиты и относительно глубокая укорененность ислама в Узбекистане создавали предпосылки для концентрации

ресурсов после крушения советского режима в руках одного политического актора; напротив, наличие в Кыргызстане ряда расколов, прежде всего межэтнических, внутриэтнических, экономических и ценностных, доминирование «ведомственности» в экономической сфере и относительно слабая укорененность ислама создавали предпосылки для формирования полицентрического режима.

3. Названные предпосылки могли быть в той или иной мере преодолены действиями политических акторов (процедурными факторами). Однако отсутствие на позднесоветском этапе внутриэлитного раскола в Узбекистане и стремления правящей элиты к максимизации власти способствовали закреплению объективных предпосылок моноцентризма и вели в итоге к реализации сценария «победитель получает все». В Кыргызстане в условиях внутриэлитного раскола и отсутствия доминирующего актора сложилось неустойчивое «сообщество элит», распавшееся в результате применения силовых стратегий, направленных на максимизацию ресурсов доминирующим актором по мере все большего воздействия на конституирование режима структурных факторов.

4. Консолидация режимов в обоих государствах проходила авторитарными способами. Однако практика показала, что там, где присутствует структурный полицентризм в виде наличия потенциальных центров влияния, авторитарная консолидация оказывается в долгосрочной перспективе неэффективной, поскольку отстранение от институтов принятия решений других важных сегментов элиты или общества ведет к кризисам политического участия.

5. Консолидация режимов в обоих государствах проходила разными путями и заняла разное время. Отсутствие структурного полицентризма позволило доминирующему актору в Узбекистане довольно быстро устранить всех потенциальных альтернативных акторов и сформировать моноцентрический режим. В Кыргызстане формирование такого режима затруднялось наличием ряда неподконтрольных доминирующему актору сфер и институтов, поэтому заняло более долгое время и проходило в основном путем

монополизации власти сначала на уровне формальных, а затем – неформальных институтов.

6. Новые моноцентрические (авторитарные) режимы различаются между собой по ряду характеристик. Специфической характеристикой авторитаризма в Узбекистане является султанизм (выделяемый Х. Линцем как особый тип диктаторских режимов), в Кыргызстане – фрагментированность (клановость). Первый тип отличается персональным господством правящего лидера и его почти не ограниченной властью, низкой степенью автономии акторов и силовыми стратегиями лидера, время от времени сопровождающимися массовой мобилизацией. Второй тип характеризуется присутствием слабой оппозиции, постоянной манипуляцией формальными институтами, наличием ограниченного плюрализма, ограничением власти лидера «предсказуемыми, но плохо определенными нормами» и своей фрагментированностью, вызванной наличием иных центров влияния, неподконтрольных доминирующему актору, что в итоге обуславливает нестабильность режима.

7. Авторитарный путь консолидации режимов отчасти объясняется необходимостью решить задачи политической модернизации, не завершившейся в предшествующий период (консолидации нации, утверждения суверенных национальных государств, легитимации элитами своего правления). С другой стороны, эти устремления сталкиваются с объективными процессами ретрадиционализации политических систем и режимов в смысле возрождения ряда традиционных институтов (актуализация регионально-клановых и родоплеменных расколов, реисламизация, восстановление традиционных механизмов рекрутирования элит и трансляции власти на национальном и региональном уровнях), в значительной мере поощряемыми правящими элитами.

8. По своим основным характеристикам новые режимы имеют больше общего не с советскими, а с досоветскими режимами и политическими практиками, разными для Узбекистана и Кыргызстана. Разрушение советского политического «каркаса» в виде набора институтов и идеологии, так или иначе сдерживавших проявления неформальных досоветских традиционных практик,

вызвало их возрождение, актуализацию и в ряде случаев политическую институционализацию.

9. Причины различий в процессе самого перехода, в разных сроках и способах консолидации режимов заключаются в различии традиций, возродившихся в ходе трансформации политических систем Узбекистана и Кыргызстана. В Узбекистане произошел возврат к традициям деспотического государства, отсутствия плюрализма и легитимации власти через национальный менталитет и религию, в Кыргызстане – к традициям скрытого (временами переходящего в явное) противоборства основных родоплеменных элит, что в случае узурпации власти представителями одного рода предполагало насильственную смену элит, и легитимации власти через национальную культуру.

10. Степень устойчивости сформировавшихся в результате трансформации политических систем и режимов как их функциональных характеристик определяется степенью расхождения формальных и неформальных институтов. В Узбекистане был изначально сформирован моноцентрический режим и на уровне формальных, и на уровне неформальных институтов (иначе говоря, там сложились моноцентрическая политическая *система* и моноцентрический политический *режим*), что соответствовало политической традиции и определяло его относительную устойчивость. В Кыргызстане учреждение набора формально демократических институтов, не соответствующих политической практике и традиции, обуславливало неустойчивость политической системы. Стремления доминирующего актора стабилизировать систему с сохранением ее формально демократического оформления вели к постоянным манипуляциям с формальными институтами, что в сочетании с влиянием традиционализма чрезвычайно сильно дискредитировало эти институты в глазах всех субъектов политического процесса, приводило к еще большему их ослаблению и дестабилизации всей системы. Это привело к авторитарной адаптации демократических институтов, в силу чего они не стали играть роль ограничителя власти доминирующего актора, а способствовали максимизации ресурсов в его руках. В Узбекистане

такая авторитарная адаптация была проведена изначально, одновременно с учреждением нового институционального дизайна.

11. Политический полицентризм не обязательно ведет к установлению демократического режима, являясь, таким образом, необходимым, но не достаточным условием демократии. Существование такого полицентризма в Кыргызстане, как показала практика, не привело к институционализации демократических процедур.

12. Устойчивость политической традиции, подтвержденная политической практикой советского и постсоветского периодов и сохраняющаяся даже в результате смены элит, приводит к выводу о том, что сформировавшиеся режимы можно характеризовать не как переходные, а как относительно устойчивые, основные характеристики и институты которых могут оставаться неизменными даже под влиянием так называемых «революций».

Теоретическая и практическая значимость диссертации. Основные выводы и положения, сформулированные в диссертации, позволяют уточнить существующую методологию анализа постсоветских трансформаций. Результаты данной работы позволяют вырабатывать относительно достоверные прогнозы развития политической ситуации в указанных государствах, что делает возможным использование материалов исследования в качестве экспертно-аналитического знания органами государственной власти при принятии решений и разработке нормативно-правовых документов, а также аналитическими центрами. Возможно также использование полученных результатов в учебном процессе в высших учебных заведениях, прежде всего в курсах «Политология», «Сравнительная политология», «Государственная политика и управление», в разработке на их основе специальных курсов по трансформациям политических систем постсоветских государств, а также при подготовке учебников, учебных и учебно-методических пособий.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры общей политологии и специальных политических дисциплин факультета истории, политологии и права РГГУ и была рекомендована к защите.

Автор диссертационного исследования выступал с докладами по теме работы на Международном научно-образовательном форуме «Двадцать лет перестройке» в 2005 г. (РГГУ, Москва) и на IV Всероссийском Конгрессе политологов в 2006 г. (МГИМО-Университет МИД России, Москва). Выводы и основные положения диссертации изложены в научных статьях и тезисах докладов. Всего опубликовано 6 работ общим объемом 5,5 печатных листа.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, разбитых на двенадцать параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определяется степень изученности проблемы, объект, предмет, цель и задачи исследования, теоретико-методологические основания, эмпирическая база, формулируются научная новизна и основные положения, выносимые на защиту, отмечаются теоретическая и научно-практическая значимость и апробация результатов исследования.

Первая глава «Методологические основания исследования трансформаций политических систем постсоциалистических государств» посвящена анализу методологических оснований исследования постсоциалистических трансформаций, на основе которого делается вывод о преимуществах и недостатках значимых теорий трансформации и обосновывается применение синтетической методологии.

После классификации всех существующих подходов на макросоциологические (структурные), микросоциологические (процедурные) и синтетические выделяются преимущества и недостатки каждой группы. В первую группу входят такие подходы, как системный (теория модернизации Т. Парсонса, С. Липсета, С. Хантингтона), структуралистский (неомарксистский структурализм Б. Мура, Д. Рюшемайера, Е. Стефенса и

теорема дисперсии власти Т. Ванханена), культуралистский (религиозно-культурные типы цивилизаций С. Хантингтона и теория социального капитала Р. Патнэма).

Наряду с сильными сторонами теорий модернизации выделяются и некоторые их недостатки: так, большинство их последователей исходило из заведомой немодернизированности рассматриваемых обществ, в то время как для постсоветских государств сложно преувеличить значение модернизационной роли СССР. Кроме того, теории модернизации не объясняют начало и причины процесса демократизации в неразвитых (с точки зрения критериев С. Хантингтона и С. Липсета) обществах и крушение демократических (рационализированных и структурно дифференцированных) систем в развитых в социально-экономическом отношении государствах, а также не дают обоснованных тезисов относительно культурных и религиозных контекстов как факторах трансформации политических систем и режимов.

Авторы **структуралистских теорий** обратили внимание на структуры власти и социальные слои, которые могут выступать в качестве носителей демократизации или антидемократических тенденций, однако сомнительным представляется само рассмотрение социальных классов как коллективных акторов с общими целями и стратегиями и небольшое внимание к действиям элит в период трансформации.

Культуралистские теории обращают внимание прежде всего на культурно-ценностные факторы трансформации политических систем и режимов (религиозные культуры, а также общественные ценности и социальные традиции), определяя их как препятствия либо предпосылки успешного процесса демократизации.

Представители **микросоциологических теорий (теорий акторов)** считают главными факторами трансформации субъективные действия политических акторов (прежде всего элит), их коалиции, решения и стратегии. Среди основных моделей в рамках данной группы подходов можно выделить модели Г. О’Доннелла и Ф. Шмиттера, С. Хантингтона, А. Пшеворского. В диссертации анализируются наиболее значимые направления исследований

пост-переходных периодов: элитистское, институционалистское и анализ промежуточных и альтернативных форм пост-переходных режимов («гибридная демократия», «делегативная демократия»). Диссертант показывает, что микросоциологические подходы объединяет небольшое внимание к анализу объективных ограничений и контекста трансформационного процесса.

Отмечается, что плодотворным представляется применение к анализу постсоветских трансформаций синтетической методологии, сочетающей достоинства двух рассматриваемых групп концепций трансформации, с использованием неоинституционализма как методологии, сочетающей элементы макросоциологического и микросоциологического анализа. Это позволяет рассматривать действия политических акторов в рамках заданных ограничений и объективно существующих возможностей, которые они не в силах преодолеть. Конкретным и наиболее адекватным инструментом при этом является методология «воронки причинности», упорядочивающей основные факторы трансформации.

Диссертант обосновывает продуктивность применения сравнительного метода, объясняя выборку стран для бинарного сравнения и определяя основные переменные сравнительного анализа трансформации политических систем: политические институты, акторы, стратегии, ресурсы, политический режим – и основные переменные сравнительного анализа сформировавшихся в результате трансформации политических режимов: доступ к господству, притязание на господство, структура господства, легитимация господства, механизмы трансляции власти. Вводятся основные термины, используемые в работе: модернизация, ретрадиционализация и политическая трансформация. Под модернизацией понимается совокупность изменений социальных систем, включающих политический (консолидация нации, рационализация и конституционализация власти, дифференциация политических структур, расширение политического участия), социально-экономический (экономический рост, рост благосостояния и уровня жизни, дифференциация социальных групп) и культурно-ценностный (секуляризация культуры) компоненты. Изменения в обратном направлении можно назвать

ретрадиционализацией, понимаемой как полное или частичное возвращение и (или) закрепление традиционных институтов и ценностей. Под **политической трансформацией** понимается преобразование структур, процессов и целей, затрагивающее распределение или осуществление властных полномочий по управлению каким-либо обществом, и ведущее к образованию новой политической системы.

Во второй главе «Особенности политической традиции Республики Узбекистан и Кыргызской Республики» рассматриваются особенности политической традиции Узбекистана и Кыргызстана и основные структурные факторы трансформации политических систем.

Общим для обоих народов было сосуществование в рамках государственных образований в форме восточных деспотий с политическими традициями неограниченной власти и слияния частного и публичного. Киргизы, тем не менее, не создали собственной государственности, продолжая жить в условиях родоплеменного строя, и вели кочевой образ жизни, в то время как узбеки перешли к оседлости. Политическая организация киргизов представляла собой конфедерацию племен с отсутствием единого легитимного центра принятия решений, которому подчинялись бы все без исключения роды. Формирование киргизского этноса затруднялось и его расколом на северную и южную ветви, отличавшихся между собой по уровню оседлости и степени исламизации.

В конце XIX в. среднеазиатский регион был колонизирован Российской империей. Диссертантом отмечена неоднозначность итогов российской колонизации. С одной стороны, Российская империя выступила в роли внешнего модернизатора традиционных обществ: были ликвидированы рабство и работорговля, введены общие законы и налоговая система, началась экономическая модернизация, была сделана попытка построить систему образования для нерусского населения и ассимилировать его. Таким образом, отчасти решались проблемы «осовременивания» среднеазиатских обществ. С другой стороны, в условиях сохранения деспотических среднеазиатских государств и предоставления им внутренней автономии продолжали

существовать традиции произвола и слияния в руках правителей власти и собственности. Киргизы продолжали сохранять кочевой образ жизни и некоторые традиции военной демократии, оставаясь при этом слабо исламизированным народом. Не были реализованы и задачи рационализации власти и формирования современных наций.

Таким образом, полагая модернизирующее влияние России в социально-экономической сфере относительно существенным, диссертант приходит к выводу о том, что российское управление среднеазиатскими территориями незначительно повлияло на преодоление политической традиции как узбеков, так и киргизов.

В диссертации подчеркивается, что главной особенностью социально-экономического и политического развития Узбекистана и Кыргызстана в советский период было сохранение наряду с имплементированными новой властью модернистскими по существу институтами институтов традиционного общества.

И в Узбекистане, и в Кыргызстане в советский период большую роль в политическом процессе играла клановость, на которую опирались союзные и республиканские руководители при осуществлении кадровой политики. Отношения республиканских руководителей с союзным Центром строились по принципу патрон-клиентских отношений, укладываваясь в схему «лояльность в обмен на невмешательство». На позднесоветском этапе политическая элита Узбекистана подверглась масштабной чистке, что исключало возникновение даже потенциальных внутриэлитных расколов, в то время как в киргизской элите, не подвергшейся чисткам, потенциальная возможность расколов сохранялась.

Диссертантом выявлено, что в плане социально-экономического развития между республиками наблюдались значительные различия. В экономике Узбекистана была закреплена ведущая роль хлопководства, что способствовало развитию репрессивных трудовых практик и появлению политической элиты, благополучие которой основывалось на использовании такого труда, господству принципа «местничества» и в итоге – к закреплению политического

моноцентризма. В Кыргызстане посевами хлопчатника было занято не более 6% посевных площадей, ускоренными темпами развивались животноводство и цветная металлургия, что вело к преобладанию принципа ведомственности, отсутствию репрессивных трудовых практик и в итоге создавало предпосылки для установления полицентризма.

Среди культурно-ценностных факторов отмечается разная роль ислама в республиках и разное отношение населения к власти. В Узбекистане даже при Советской власти ислам продолжал сохранять свою значимость, которая отчасти поддерживалась местными руководителями. В Кыргызстане в силу слабой укорененности ислама значимость религии была гораздо ниже, хотя и здесь на бытовом уровне продолжали существовать исламские обряды. Легитимность руководителей в Узбекистане была основана на традиционном почитании правителя как «отца нации», которому народ передает свой суверенитет в обмен на заботу об общем благе. Для киргизского общества такой тип легитимности традиционно не был характерен, поскольку кочевое общество не знало института монопольного деспотического правителя, которому обязаны подчиняться главы всех прочих родов, и не рассматривала его в качестве источника общего блага.

Диссертантом особо подчеркивается, что политика союзного Центра оказала мощное модернизирующее влияние на традиционные общества, поскольку привела к формированию квазигосударственных образований, относительной консолидации наций и к появлению национальных политических элит, т. е. в известном смысле к «рационализации власти» в понимании С. Хантингтона. В социально-экономической сфере были сформированы отсутствовавшие до этого отрасли промышленности и сельского хозяйства и экономическая специализация республик, значительно изменился образ жизни населения. В отношении модернизации политических институтов и традиционной культуры действия союзного Центра были менее успешны, однако и здесь новая власть сумела повлиять на ослабление традиционных религий, формирование национальной интеллигенции, складывание новой национальной культуры.

В заключении главы подчеркивается, что на протяжении исторического развития и в Кыргызстане, и в Узбекистане воспроизводились и продолжали существовать традиционные общественные отношения и институты, показывая свою жизнеспособность, хотя они и были ослаблены сначала Российской империей, а затем Советской властью. Автор исследования полагает, что вряд ли стоит сравнивать узбекское и киргизское общества, которые на исходе существования СССР уже нельзя было однозначно считать традиционными, с африканскими и азиатскими обществами, решающими после ухода метрополии первоочередные задачи модернизации и сталкивающимися с определенными типичными вызовами и проблемами. С другой стороны, в узбекском и киргизском обществе различались между собой традиции и идентичность, что вело к формированию разных факторов трансформации режимов. В Узбекистане сложились факторы, благоприятствующие в основном установлению политического моноцентризма, в Кыргызстане – полицентризма.

Третья глава «Трансформация политических систем: от ослабления прежних режимов до начала консолидации новых режимов» посвящена анализу трансформации политических систем Узбекистана и Кыргызстана, начавшейся в конце 1980-х гг. с появлением политических акторов, альтернативных действующим, и ее развитию вплоть до начала консолидации новых режимов.

Трансформации политических систем Узбекистана и Кыргызстана в указанный период имели как общие, так и специфические черты.

Среди общих характерных черт выделяются практически одновременная активизация демократически настроенной национальной интеллигенции в связи с начавшейся общесоюзной либерализацией, синхронность ряда политических процессов, инициированных союзным Центром, и ведущая роль творческой элиты, прежде всего писателей, в создании первых политических объединений (протопартий). Они опирались на массовую социальную базу и использовали сходные стратегии (организации массовых демонстраций и митингов протеста) с целью давления на власть под лозунгами демократизации и ликвидации политической монополии коммунистических партий.

Крушение режимов в обеих республиках наступило вследствие провала попытки государственного переворота в августе 1991 г. и быстрой ликвидации общесоюзных политических институтов. Это означало ликвидацию республиканских компартий и вхождение в период неопределенности, закончившийся с определением нового институционального дизайна путем принятия Конституций.

Диссертантом установлено, что главное отличие трансформационного процесса, обусловившее многие дальнейшие расхождения, заключалось в том, что в силу ряда причин (особенности структурных расколов, политической культуры, состава позднесоветской элиты) политическая система Узбекистана вошла в процесс трансформации с явным присутствием доминирующего актора, а Кыргызстана – с его отсутствием. Негибкость стратегий Компартии Кыргызской ССР, отсутствие диалога и компромиссов с демократическим движением, неспособность регулировать этнополитические конфликты и поддержка ею в августе 1991 г. ГКЧП СССР обусловили полную потерю авторитета и ресурсов ее руководством и устранение партии из политического процесса. В сочетании с внутриэлитным расколом, проявлявшимся и в партийной элите, и в парламенте, это не дало возможности Президенту республики монополизировать власть. Напротив, отсутствие подобных расколов в Узбекистане привело к появлению доминирующего актора, использовавшего гибкие стратегии по отношению к демократическому движению с целью ослабить его, интегрировать более лояльных деятелей в новую политическую систему, а затем устранить потенциально конкурентных акторов.

Автор исследования полагает, что эти обстоятельства предопределили специфику первых президентских выборов и особенности выработки и принятия Конституций. В Узбекистане Конституция стала документом, юридически закрепившим монопольные притязания на власть действующего Президента и навязанным им оппозиционным акторам, которые в ее принятии не участвовали. В Кыргызстане Конституция представляла собой политический

компромисс между Президентом, парламентом и некоторыми лидерами демократического движения.

Одно из главных отличий оппозиционного движения в республиках состояло также в быстром появлении и большой роли религиозно-политических акторов в Узбекистане и почти полным отсутствием исламских движений, выдвигающих политические цели, в Кыргызстане, что объяснялось разной ролью ислама в этих государствах.

Исходя из методологических установок исследования, диссертант определяет тип трансформационных процессов в обеих республиках, отмечая, что в Узбекистане переход к новому режиму был наиболее близок к модели «консервативной реформы», а выход из неопределенности произошел по сценарию «победитель получает все». Доминирующий актор использовал для разрешения возникшего конфликта с прочими акторами силовые стратегии, что вело к достижению им полного превосходства над другими акторами и максимизации контроля над ресурсами по принципу «игры с нулевой суммой». Неопределенность, возникающая в результате таких переходов, чрезвычайно низка, что подтверждает и случай Узбекистана.

В Кыргызстане переход носил черты сценариев пакта и реформы. Пакт в данном случае означал смену политической системы и политического режима при достижении компромиссных договоренностей не между правящей элитой и контрэлитой, а между различными сегментами элит: Президентом и его окружением, с одной стороны, и консерваторами и реформаторами в Верховном Совете, с другой. Пакт в данном случае понимается не как одна из моделей демократизации, устанавливающая правила демократической конкуренции новых акторов (по известной схеме Ф. Шмиттера – Т. Карл), а как соглашение о сохранении статус-кво в условиях, когда ни один из акторов не достиг безусловного преимущества. Пакт имел характер неформального компромисса, хотя его косвенным отражением и стало принятие первой Конституции республики. В то же время присутствовали и черты сценария реформы, предполагающего давление масс или контрэлит по отношению к правящей элите прежнего режима при использовании акторами компромиссных

стратегий. В данном случае это было давление Президента и его институтов на институты советского режима в лице Компартии и консервативной фракции в парламенте, закончившееся устранением Компартии из политического процесса. Неопределенность, возникающая в результате таких переходов, несколько выше, чем в первом случае, что также подтверждается проведенным анализом. Выход из неопределенности в большей степени соответствовал сценарию «сообщества элит», чем «борьбы по правилам». Поскольку в результате перехода появился относительно доминирующий актор (Президент), именно он предлагал новый набор формальных и неформальных институтов. Однако отсутствие у него монополии на политические ресурсы и присутствие других важных акторов препятствовали заключению пакта между ними на условиях Президента.

В заключении главы отмечается, что разные сценарии переходов в Узбекистане и Кыргызстане объясняются как основными структурными расколами, так и процедурными факторами, вплоть до различных индивидуально-психологических особенностей и жизненного опыта лидеров государств. Проведенный анализ доказывает, что акторы имеют определенную свободу действий, но лишь в уже заданных структурных рамках, а исходы трансформации являются лишь побочным следствием компромиссов или конфронтации акторов, обусловленных, в свою очередь, структурными факторами.

В четвертой главе «Консолидация новых режимов и их основные характеристики» анализируются основные характеристики новых режимов, сформировавшихся в результате трансформации, а также перспективы и направления их дальнейшей эволюции, связанной прежде всего с поиском и устойчивостью механизмов трансляции власти.

Диссертант отмечает, что итогом трансформации в Узбекистане и Кыргызстане стало построение новых политических систем и консолидация новых моноцентрических (автократических) режимов. Однако внутренняя сущность режимов существенно различалась.

Условием консолидации обоих режимов был переход к автократиям. Консолидация режимов на демократической основе неизбежно предполагала бы институционализацию альтернативных и оппозиционных акторов, перераспределение власти внутри элиты и открытие доступа к господству путем проведения свободных выборов. Однако в условиях ряда нерешенных проблем (прежде всего задач по консолидации нации и построению суверенного национального государства), конфликтов, внешних угроз, при наличии примеров других постсоветских государств, где ослабление власти привело к дестабилизации, правящими элитами обеих стран был избран более эффективный (в краткосрочной перспективе) и быстрый авторитарный путь консолидации. Как показала практика, такой путь является эффективным только тогда, когда отсутствуют социальные силы, способные так или иначе сопротивляться доминирующему актору и когда основные внешние акторы заинтересованы в сохранении существующего режима. В Узбекистане существовали оба условия, поэтому авторитарная консолидация показала там свою относительную эффективность, а режим – устойчивость. В Кыргызстане, в ситуации наличия ряда расколов и формирования контрэлиты, такая консолидация могла быть эффективной лишь в краткосрочной перспективе. Доминирующий актор не мог справиться со структурным полицентризмом общества и в то же время не стремился его институционализировать, что и привело к утрате им власти.

Диссертантом выявлено, что консолидация режима в Узбекистане проходила более быстрыми темпами и завершилась уже к середине 1990-х гг., в то время как в Кыргызстане этот процесс растянулся на все 1990-е гг. и проходил в условиях сопротивления неподконтрольных акторов. Полную монополизацию власти и собственности правящей элите удалось завершить лишь в конце 1990-х – начале 2000-х гг., но это же привело ее к политическому краху.

Основные характеристики консолидированных режимов состояли в следующем.

Отсутствие структурных расколов позволило доминирующему актору в Узбекистане практически закрыть каналы доступа к господству уже на формальном уровне. В Кыргызстане при формально открытом доступе к господству стремление Президента максимизировать ресурсы проявилось в использовании неформального ограничения конкуренции и в постоянном манипулировании формальными институтами, что во многом их дискредитировало.

В обеих республиках не сложилось гражданского общества, что обуславливалось как политическими традициями, так и блокированием развития общественных институтов и политического участия правящей элитой. В Узбекистане это выражалось в монополии государства на партийное строительство и создание им системы общественных организаций. В Кыргызстане режим не распространял притязания на всю публичную сферу, а некоторые попытки таких притязаний оказались неэффективными из-за наличия контрэлиты и сопротивления других потенциальных центров влияния.

Формально плюралистическая структура господства в Кыргызстане сосуществовала с монистической структурой господства на уровне неформальных институтов и практик. В Узбекистане режим изначально создал монистическую структуру господства и в формальных, и в неформальных рамках, что позволяет сделать вывод о моноцентричности не только политического режима, но и всей политической системы.

Оказавшись перед необходимостью найти способы легитимации господства, правящие элиты обратились к национальной государственности и религии. В Узбекистане была сделана попытка сформировать национальную идею на основе «воспоминаний о государственности» в сочетании с исламским компонентом, причем обе составляющих замыкались на Президента. Правящая элита Кыргызстана пыталась строить легитимность на разных основаниях, включавших как национальную государственность и культуру, так и демократические ценности, т. е. на сочетании модернизационных и домодернизационных (архаичных) концептов. Такое сочетание оказалось

крайне противоречивым и не способствовало эффективности данной идеологии.

В этой связи установлено, что названные обстоятельства обусловили относительную устойчивость режима в Узбекистане и относительную его слабость в Кыргызстане. Отсутствие в Узбекистане структурного полицентризма, ослабление кланово-регионального баланса и противовеса в виде региональной власти позволили правящей элите эффективно подавлять даже открытое сопротивление. Напротив, в Кыргызстане стремление к монополизации власти, выразившееся в нарушении регионально-кланового баланса, в ситуации скрытого полицентризма и укрепления региональных элит вызвали объединение контрэлиты, что в сочетании с мобилизацией масс привело к быстрому разрушению политического режима и вызвало необходимость изменения политической системы.

Диссертант полагает, что перспективы и возможности дальнейшей трансформации режима в Республике Узбекистан связаны главным образом с тем, насколько эффективными окажутся механизмы трансляции власти, в Кыргызской Республике – с эффективностью найденной в конце 2006 г. конституционной формулы, которая может привести к перераспределению власти между элитой и оппозицией, а также с изменением родоплеменной идентификации на политическую.

Решая проблему определения сложившихся в Узбекистане и Кыргызстане режимов, диссертант отмечает, что оба режима можно определить как моноцентрические с преобладанием доминирующих акторов, опирающихся на формальные и неформальные институты и использующих преимущественно силовые стратегии. Автор исследования полагает, что специфической характеристикой авторитаризма в Узбекистане является султанизм (выделяемый Х. Линцем как особый тип диктаторских режимов), а в Кыргызстане – фрагментированность (или клановость) авторитарного режима.

Султанизм (или неопатримониализм) предполагает персональное господство правящего лидера или клана, отсутствие политического плюрализма и низкую степень автономии акторов, слабое развитие формальных институтов

и силовые стратегии лидера, время от времени сопровождающиеся массовой мобилизацией. Действительно, все формальные политические институты, возникшие в Узбекистане после крушения советского режима, не были рационализированы в смысле имперсональности, а стали инструментами господства по усмотрению лидера.

Киргизский режим отличается от режима И. Каримова главным образом присутствием слабой оппозиции, постоянной манипуляцией формальными институтами, изменения которых проводились столь часто, что лишали их всякой значимости для участников политического процесса, наличием ограниченного плюрализма, возможностью существования слабой оппозиции, ограничением власти лидера «предсказуемыми, но плохо определенными нормами» и, что наиболее существенно, своей фрагментированностью, вызванной регионально-субэтническими расколами и наличием иных центров влияния, неподконтрольных доминирующему актору, что в итоге и обусловило нестабильность политической системы и политического режима.

В заключении главы диссертант обращает внимание на то, что трансформация обеих политических систем и режимов привела не к их модернизации, а к ретрадиционализации и архаизации в смысле возрождения политических традиций прежде всего в виде преобладания неформальных институтов и кланово-земляческих, родоплеменных связей в политике и их формализации. Поскольку политические традиции республик существенно различались, это привело к формированию разных типов режимов.

В заключении диссертации сформулированы основные результаты и выводы исследования, а также намечены перспективы дальнейшего изучения затронутых проблем.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ:

1. Борисов, Н.А. Перестройка в Средней Азии : случай Узбекистана [Текст] / Н.А. Борисов // Двадцать лет перестройке : эволюция гуманитарного

знания в России : материалы междунар. науч.-образоват. форума, 27-28 апр. 2005 г. / редкол.: И.В. Карапетянц (отв. ред.) и др. ; Рос. гос. гуманит. ун-т. – М. : Издат Центр РГГУ, 2005. – С. 254-261. (0,5 п. л.)

2. Борисов, Н. Трансформация политического режима в Узбекистане : этапы и итоги [Текст] / Н. Борисов // Центральная Азия и Кавказ : журн. социально-полит. исслед. – 2005. – № 6 (42). – С. 24-35. (0,9 п. л.)

Перевод на английский язык: Borisov, N. Transformation in the political regime in Uzbekistan : stages and outcome [Text] / N. Borisov // Central Asia and The Caucasus : journ. of social and political studies. – 2005. – № 6 (36) – P 22-32. (0,8 п. л.)

3. Борисов, Н. «Революционные» и «постреволюционные» процессы на постсоветском пространстве : правомерен ли сравнительный анализ? на материалах Украины и Кыргызстана [Текст] / Н. Борисов // Центральная Азия и Кавказ : журн. социально-полит. исслед. – 2006. – № 5 (47). – С. 81-93 (0,9 п. л.)

Перевод на английский язык: Borisov, N. Revolutionary and post-revolutionary processes across the post-soviet expanse : can they be compared? Ukraine and Kyrgyzstan [Text] / N. Borisov // Central Asia and The Caucasus : journ. of social and political studies. – 2006. – № 5 (41). – P. 71-80. (0,8 п. л.)

4. Борисов, Н.А. Постсоветская трансформация политических режимов Республики Узбекистан и Кыргызской Республики : сравнительный анализ [Текст] / Н.А. Борисов // Тез. докл. IV Всеросс. конгресса политологов «Демократия, безопасность, эффективное управление : новые вызовы политической науке», Москва, 20-22 окт. 2006. – М. : Рос. ассоц. полит. науки, 2006. – С. 40-41. (0,16 п. л.)

5. Борисов, Н.А. Особенности трансформации политических систем центральноазиатских государств : на примере Узбекистана и Киргизии [Текст] / Н.А. Борисов // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз : журн. полит. философии и социологии политики. – 2006. – № 3 (42). – С. 96-111. (1 п. л.)

6. Политическое управление : учеб.-метод. комплекс : для специальности № 030201 – Политология [Текст] / сост. В.Д. Зимина, Н.А. Борисов. – М. : Издат. Центр РГГУ, 2007. – 40 с. (2 п. л., авт. – 1 п. л.)

Принято к исполнению 09/02/2007
Исполнено 12/02/2007

Заказ № 89
Тираж: 100 экз.

Типография «11-й ФОРМАТ»
ИНН 7726330900
115230, Москва, Варшавское ш., 36
(495) 975-78-56
www.autoreferat.ru